

Т. А. САВОСЬКИНА
(Украина)

**«Янтарь на трубках Цареграда»
(из комментария к «Евгению Онегину»)**

Описание убранства онегинского кабинета в петербургском доме (XXIV строфа I главы) начинается со стиха «Янтарь на трубках Цареграда». Это составное наименование предмета не имеет объяснения ни в известных комментариях к пушкинскому произведению, ни в словаре реалий «Онегинской энциклопедии»¹. Вместе с тем поэтическая строка, контекстуально связанная с предметным миром романа, представляет несомненный интерес. Разъяснение ее позволит сформировать представление о малоизученной реалии быта онегинской эпохи, выявить её эмоционально-смысловые эффекты в тексте, а также сосредоточить внимание на литературном фоне стиха.

Текстуальный комментарий к стиху «Янтарь на трубках Цареграда» начнем с языкового анализа. Иносказательное выражение представляет собой развернутую метонимию, посредством которой Пушкин предельно лаконично и в то же время оригинальным способом воссоздает один из модных атрибутов домашнего обихода русского дворянства на рубеже XVIII — XIX столетий — знаменитую «турецкую» трубку или как часто тогда говорили «чубук», подразумевая весь курительный прибор в целом. Для его художественного изображения поэт использует двучленные метонимические переносы, внутренний смысл и назначение которых — выделить наиболее важные части предмета, по которым пушкинский современник, в отличие от нашего читателя, мог легко реставрировать в своем воображении авторскую ассоциацию вещи, входящую в сферу повседневных житейских ритуалов дворянина.

¹ См.: Бродский Н. А. Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина. Пособие для учителей средней школы. Изд. 3-е переработанное. — М., 1950; Бонди С. М. Предисловие, примечания и пояснительные статьи // Пушкин А. С. Евгений Онегин. — М., 1964; Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. — Л., 1980; Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Пер с англ. — СПб., 1988; Онегинская энциклопедия: В 2 т. Т. 2. А-Я; А-Z. / Под общ. ред. Н. И. Михайловой. — М., 2004.

Так, ключевая по семантике лексема «на трубках» в сочетании со словом «Цареграда» обнаруживает свое значение по принципу смежности, то есть на основе взаимной связи или родстве понятий. Старославянское название Стамбула становится здесь специфическим маркером обозначенного предмета, под которым подразумевается турецкий чубук, представляющий собой полый деревянный стержень, достигающий в длину от 60 см до 2,5 метров. Османские ремесленники первыми стали делать чубуки из вишневого, черешневого дерева или особо ценимого ими жасмина. Деревянные чубуки спасали курильщика от ожога и добавляли приятный аромат табаку. Во дворцах и домах турецких вельмож процесс курения экзотических трубок представлял собой целую церемонию. «В ее организации, — пишет один из востоковедов, — участвовали иногда три человека. *Тютюнд-жюбаши* приготавливал табак и добавлял в него различные ароматические вещества, *чубукдар* набивал трубки и подавал их курильщикам, а *ате огланы* серебряными щипцами доставал из раскаленного мангала угольки, чтобы зажечь табак»². Русские же дворяне этот процесс упростили: они держали лишь одного слугу — «комнатного казачка», который по зову хозяина приносил раскуренную трубку либо разжигал её прямо в кабинете³.

Другая часть номинации «Янтарь на трубках», осуществляющая метонимический перенос со свойств одного предмета на другой, указывает на один из изысканных и дорогих аксессуаров для курительной трубки — мундштук из прусского янтаря, привлекавший богатых владельцев позапрошлого столетия неповторимой игрой золотистых оттенков и ценившийся ими за бактерицидные свойства камня, способного нейтрализовать вредные смолы.

В первой трети XIX века Турция становится выставочной эмблемой не только табачной Европы, но и Петербурга, в котором над всякой вывеской табачной лавки непременно изображался турок с чубуком. Повышенный интерес к «турецкой» трубке возникает после успешных кампаний русских и европейских войск в многочисленных войнах с Османской империей и объясняется общим увлечением знати «восточной роскошью». Военные тогда получили возможность лично познакомиться с бытом османских феодалов-сибаритов, перенять их

² Куланда М. В. Кейф — ритуал и образ жизни // Восточная коллекция. — М., 2005. № 4. С. 150.

³ См. об этом подробнее: Беловинский Л. В. Изба и хоромы. Их истории русской повседневности. — М., 2002.

многие привычки и заявить моду в своем отечестве на жизнь «в турецком вкусе». После «турецкого бала», данного датским королем еще в 1768 году, османскую тему подхватили музыканты, танцовщики, архитекторы, портные. Дальнейшему её развитию в XIX веке способствовали поэмы Дж. Байрона. Мода на «туретчину» в России достигла своего апогея в 20 — 30-х годах XIX века: мужчины наряжались в турецкие халаты и фески, обували туфли без задников, дамы в тюрбанах коротали время в «мавританских» гостиных. Поэтому странное на первый взгляд появление турецкой вещи в европеизированном кабинете Онегина вполне оправдано: этот экзотический реквизит является отражением не только русской, но и общеевропейской *turquerie*.

Небезынтересно отметить, что в 20-е годы позапрошлого столетия царградские чубуки обретают на русской почве национальный колорит благодаря расцвету отечественного искусства вышивки бисером и стеклярусом, явившейся приятным занятием дворянских барышень. Чрезвычайной популярностью у мужчин-аристократов начинают пользоваться бисерные чехлы для чубуков. Любительницы домашнего рукоделия вязали их крючком из нитей, на которые, в соответствии с задуманным рисунком, набирали цветной бисер. Как правило, это были гирлянды цветов, располагающиеся по спирали, как бы обвиваясь вокруг трубки. Для закрепления чехла приобретались особые металлические кольца-обоймы из золоченой бронзы или серебра. Такой нарядный чубук являлся уже не только приспособлением для курения, но и художественным произведением ручной работы, свидетельствующим об особых качествах или успехах её владельца. В отличие от европейских стран, в России позапрошлого столетия не существовало ни фабричного, ни кустарного производства изделий из бисера. Изготовленные в домашних условиях, они предназначались исключительно для подарка близким людям. Поэтому «очень быстро бисерные чубуки получили значение «сувенира сердца» — залога особых, окрашенных сентиментальностью отношений, а иногда и напрямую свидетельствовали о сердечных победах своего счастливого обладателя»⁴. Надо полагать, что пушкинский знаток «науки страсти нежной» имел не один такой бисерный чехол; он мог быть подарен либо «модными женами» большого света на память об «игре страстей», либо молоденькой барышней, которой добивался Онегин, а потом наедине давал «уроки в тишине».

⁴ Молчанова О. Чубук с намеком // Cigar Clan. № 2. 2004.

Поскольку чубук — это только часть курительной принадлежности, соединяющая собственно трубку с мундштуком, то для того чтобы составить полное представление об онегинской трубке, попытаемся гипотетически описать её венчающую часть — чашку для табака, или собственно трубку. Учитывая респектабельный образ жизни героя и аристократические пристрастия в сфере табакокурения, можно предположить, что у петербургского денди была дорогая пенковая трубка, которая ценилась пушкинскими современниками за высокую степень абсорбции и выразительность художественного оформления. Пенка (немецкое название — «*meerschaut*», в переводе означающая «морская пена») — белый очень легкий пористый минерал, представляющий собой окаменевшие остатки морских моллюсков, добываемый преимущественно в Турции, в окрестностях деревушки Эскизехир, находящейся в 200 км от Стамбула⁵. В XVIII — XIX столетиях этот природный органический материал экспортировался из Турции в Англию, Германию, Австрию, которые на протяжении многих лет боролись за лидерство производства пенковых трубок.

Превосходные свойства морского материала позволяли европейским мастерам проявлять фантазию и вырезать причудливые по форме трубки, функционирующие как фильтр. Пенковые чашки украшали настоящие скульптурные композиции на античные и средневековые сюжеты; на них изображались портреты правителей и исторических деятелей, головы фантастических существ или изысканно причесанных дам и кавалеров в модных головных уборах. Удивительной особенностью пенковой трубки до сих пор считается её способность «красиво стареть»: со временем под воздействием табачных смол чашка приобретает благородный золотисто-коричневый цвет, переходящий затем в каштановые, темные тона. Каждая такая чашка, подобно часам Бреге, приобреталась современниками Онегина как эксклюзивная вещь и была очередным предметом гордости любого столичного франта.

Резная пенковая трубка с длинным чубуком, оплетенным бисером с янтарным мундштуком, имелась и у Пушкина, которую, видимо, он и «подарил» своему персонажу. Сам поэт любил попыхивать пенковой трубкой в одиночестве или за совместным времяпрепровождением с приятелями, о чем свидетельствуют его произведения и письма. В одесской главе «Евгения Онегина» он пишет о себе:

⁵ См. об этом подробнее: Гаев Д. Трубки. — М., 2005.

*Бывало, пушка зоревая
Лишь только грянет с корабля,
С крутого берега сбегая,
Уж к морю отправляюсь я.
Потом за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,
Как мусульман в своем раю,
С восточной гущей кофе пью.*
(V, 176 — 177)

В письме от 8 января 1835 года к своему любезному другу П. В. Нащокину, долгие задушевные беседы с которым обычно сопровождались курением, Пушкин писал: «Когда бы нам с тобой увидеться! много бы я тебе наговорил; много скопилось для меня в этот год такового, о чем не худо бы потолковать у тебя на диване, с трубкой в зубах...» (X, 405). Сегодня едва ли не в каждом музее поэта хранятся его пенковые трубки с длинными чубуками в бисерных чехлах с полированными и резными чашками. Коллекция разного рода курительных трубок в мужском кабинете пушкинского времени демонстрировала не только уровень имущественного положения её владельца, но и преследовала практическую цель: курительные принадлежности во время «отдыха» просыхали, после чего курить трубку было легко и приятно.

«Гарем» любимых трубок с чубуками в бисерных чехлах явно украшает интерьер и онегинского кабинета, на что указывает множественное число семантически ключевой лексики метонимического наименования «на трубках». Смысловый центр тропа не только называет курительную принадлежность, но иносказательно может подразумевать и наличие особого вида мебели в кабинете пушкинского героя — «чубучной подставки», или «чубучной стойки», обычно располагавшейся в углу «диванной» дворянского особняка. Эту подставку для удобства хранения многочисленных чубуков делали из модных декоративных пород дерева. Представление о ней может дать один из экспонатов кабинета миниатюрного домика Нащокина — специальные подставки черного дерева. В их гнездах, отделанных костью, покоятся крохотные трубки, надетые на длинные чубуки, изготовленные из разных пород дерева. Подобная чубучная стойка с целым ассортиментом трубок с бисерными чубуками изображена и на картине неизвестного художника «Диванная в доме Юсуповых в Петербурге» (1830 г.).

«Янтарь на трубках Цареграда» — это не только самостоятельный художественный образ, представляющий интерес сам по себе. Поэти-

ческая метонимия, обладающая собственной эстетической ценностью, выходит за пределы непосредственного содержания самого предмета и становится знаком корпоративной и индивидуальной маркированности пушкинского героя. Онегинская коллекция роскошных трубок входит в константный набор модных и дорогих вещей денди и в этом смысле включает романного персонажа в корпорацию светской элиты Петербурга. Однако эта коннотация, на наш взгляд, занимает периферийное место в романе. Фактор контекста трансформирует предмет для курения в более значимый сигнал, актуализирующий тему философа в онегинском поле романа. Так, строке «Янтарь на трубках Цареграда» предшествуют вполне репрезентативные стихи: «Все украшало кабинет // Философа в осьмнадцать лет». Для того чтобы уяснить семантическую связь между героем и его вещью, необходимо ответить на вопрос: какой смысл вкладывал автор романа в понятие «философ»? В «Словаре языка Пушкина» это слово толкуется как «мыслитель, ученый, занимающийся философией» или «тот, кто склонен размышлять над философскими вопросами, проявлять интерес к этим вопросам»⁶. Пушкин довольно часто использовал в ранних стихах слово «философ» и его производные для обозначения мыслительной деятельностью лирического субъекта:

*Философом ленивым
От шума вдалеке,
Живу я в городке...*
(I, 83)

*Живу с природной простотой,
С философической забавой
И с музой резвой и младой...*
(I, 151)

*Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни,
На игры младости глядишь
С молчаньем хладным укоризны*
(I, 333)

На фоне прецедентных текстов пушкинской лирики справедливым представляется суждение Н. А. Бродского о том, что «назвав Онегина философом, автор романа ничуть не иронизировал, а лишь отметил в

⁶ Словарь языка Пушкина: В 4 т. — М., 1961. Т. 4. С. 786, 787.

этом денди наряду с его светскими забавами привычку размышлять и рассыпать блески ума в стиле салонного острословия, которым отличались многие из дворянского круга той эпохи»⁷.

Тематически значимое словосочетание «философ в осьмнадцать лет» получает свое развитие в соседних строфах (XXIV — XXV), где мысль автора от Онегина обращается к Руссо, Гримму и Чаадаеву. И «хотя ассоциация имен, — по верному замечанию В.С. Баевского, — возникает по бытовым поводам, но сам круг ассоциации весьма показателен»⁸. В этом контекстуальном поле онегинские трубки с длинными чубуками воспринимаются отнюдь не как экспликант некоего физиологического процесса или развлечения от скуки, но, прежде всего, как знак, выявляющий в пушкинском герое способность к размышлению и углубленной рефлексии, следствием которых и явилась болезнь мыслящего человека — русская хандра.

Бытовой предмет для курения становится у Пушкина дополнительным средством раскрытия значимой для концептуального содержания романа темы философских склонностей и интересов Онегина, которую Пушкин развивает на протяжении всего произведения. Подобный «курительный мотив» с тем же препозиционным индексом встречается в лирике Н. Языкова, Д. Давыдова, в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Обломове» И. А. Гончарова⁹.

Таким образом, используя метонимию как средство поэтической выразительности, поэт сумел документально точно воспроизвести одну из модных бытовых реалий дворянской жизни первой трети XIX века, которая одновременно выступает в «Онегине» знаком культурной, идеологической, этической и эстетической характеристики героя романа.

⁷ Бродский Н. А. Указ. соч. С. 81.

⁸ Баевский В. С. Тематическая композиция «Евгения Онегина»: (Природа и функции тематических повторов) // Пушкин: Исслед-я и мат-ы / АН СССР. Ин-т рус. лит. — Л., 1989. Т. 13. С. 37.

⁹ См. подробнее: Неминуций А., Бородкина Е. «Янтарь в устах его дымится...» К семиотике мотива курения в русской литературе XIX века // Звезда. — М., 2007. № 4.